

ГЛАВА 13

Торговля в новом отделе пошла туго. Весь май его ежедневная прибыль плавала чуть выше уровня рентабельности. «Ничего, точка новая, нужно два-три месяца, чтобы раскрутиться, надо потерпеть», - успокаивал я себя. Через два отдела от нас на площади в сорок метров располагалась еще одна точка бытовой химии. Я напрасно опасался, что она принадлежит одной из крупных фирм – хозяином отдела был мелкий торговец. «Этого мы должны задавить, через пару месяцев сам сбежит», - подбадривал себя я. Мне казалось, что самый трудный этап наших мытарств в бизнесе кончился и что дальше будет проще – открывай отделы в торговых центрах и отдельные магазины и все, дело сделано. На волне таких мыслей я предложил отцу открыть еще один отдел.

- Можно открыть, надо только поискать хорошее место, не открывать где попало, - ответил он. – И чтоб не такая дорогая аренда была, как у этого.

- Да она и у этого не такая уж дорогая. Везде средняя цена полторы тысячи за метр, а тут тысяча всего, - возразил я, задумался, вздохнул. – Хотя, и это дорого, еле тянем пока. Ладно, поищем еще торговые площади.

- Только нормально надо искать, а то сейчас начнешь..., я тебя знаю! – сказал отец.

- Чего начну!? – уставился я на него.

- Начнешь хватать все подряд, без разбору, первый попавшийся отдел!

- Я чего-то не пойму! – удивленно посмотрел я на отца. – А кто тебе мешает искать нормальный и не первый попавшийся отдел!? Ищи тоже!

Отец замер, переменялся в лице, уставился на меня жестким изучающим взглядом.

- И буду тоже искать! – повысил он тон.

- И ищи! – добавил я, не собираясь отступить.

- И найду! – еще повысил голос отец.

- Ну, и ищи! – рассмеялся я, поняв, что крыть отцу нечем, кроме беспомощного упрямства. – Найдешь, хорошо! Я тебе только спасибо скажу! Нам же лучше.

Отец обдал меня долгим недобрым взглядом, отвернулся, тихо произнес что-то матерное и закурил.

В конце мая мы заехали в «Родной край». Мною двигало желание своими глазами убедиться в том, что «Люксхим» отгрузил свой товар напрямую. Я убедился. Ходил один, отец, закулив, остался в машине. Я же нашел на витринах торгового зала весь ассортимент «Люксхима» и с повторно всколыхнувшимся ощущением предательства вышел на улицу.

Я нажал на звонок. За дверью раздалось топанье и сопение, замок провернулся, и дверь рывком распахнулась.

- Рамзес!!! – заорал Вовка на весь подъезд. – Заходи!!!

Поймав мою руку в рукопожатии, Вовка втащил меня внутрь и захлопнул дверь.

- Давай, разувайся, блять!! Посмотришь мою холостяцкую берлогу! – рывкнул он, уходя вглубь жилища. Вглубь – сильно сказано. Квартира была крохотной: кухня – четыре квадратных метра, комната – пятнадцать, тесная совмещенная уборная размером с кухню и мизерная прихожая. Всего не более тридцати метров.

- Вот моя комната! – Вовка вошел в нее, растопырив руки в стороны. – Тут я сплю!

Справа от входа треть комнаты занимала двуспальная кровать. Напротив нее на стеклянном столике стоял телевизор, полку под ним занимал музыкальный центр, на полу по бокам столика стояли колонки. За кроватью через распахнутую от жары дверь виделся балкон. Слева от входа к стене прислонился шкаф с перекошенными дверями, рядом с ним стоял такой же старый диван в грубой красной ткани с дырами в нескольких местах. Увидев диван, я скривился.

- Да, на нем ты будешь спать, если, блять, вдруг решишь после «Чистого неба» у меня остаться! – заметив мой взгляд, зацерился Вовка. – Диван, блять – говно! Пружины, пиздец, торчат под тканью и в жопу впиваются сразу!

- Спасибо, Вова! – изобразил я во взгляде укоризну. – Ты настоящий друг!

- Хы-хы-хы! – закричал тот, одетый лишь в джинсы, смачно почесал нависающий над поясным ремнем волосатый живот и повернулся ко мне такой же волосатой спиной. – Пошли, блять, жрать на кухню и собираться будем в «Небеса»!

Я поплелся за Вовкой в кухню.

- Да это хозяйский диван! Он был тут уже вместе со шкафом! – отмахнулся Вовка и открыл холодильник. – Мое здесь только: кровать, телек и музыкальный центр! И пылесос еще! Чай с колбасой будешь!?

Я кивнул, уселся на стул подле столика сразу у входа в кухню. «Тесно-то как», - подумал я, оглядевшись, пока Вовка громыхал в холодильнике. Столик с двумя стульями, холодильник, кухонный гарнитур, угловая раковина, стиральная машина и газовая плита – места было так мало, что два взрослых человека с трудом могли тут находиться.

- Ну чо, какие там у вас дела!? – сказал Вовка, поставил чайник и принялся за колбасу. – Как бизнес?

- Да нормально все, - зевнул я.

- Ну, отдел открыли-то!? – развернулся Вовка ко мне, замер.

- Да, открыли, - кивнул я, почесав ногу у щиколотки. – С начала мая уже работает.

- Ооо!! Буржуи!! – зарычал Вовка, неистово кромсая колбасу и хлеб. – Растете!

- Растем потихоньку. Я вот думаю, еще точку открыть, - сказал я, выпрямившись на хлипком стуле. – Товар на складе есть, деньги позволяют зарыть в оборот еще тыщ сто.

- О! Опасные вы ребята! – Вовка затолкал в рот кусок колбасы, жевнул его пару раз и засмеялся с набитым ртом. – Вы так всех остальных по миру пустите!

- Да хватит тебе! – отмахнулся я. – Розница – для себя. Чем больше своя розница, тем устойчивее фирма.

- Ну, эт да! – прочавкал Вовка, вытер пальцы об пузо и выключил чайник.

Через минуту мы уже уплетали бутерброды из черного хлеба и вареной колбасы.

- Чо там, батя как? – произнес Вовка.

- Да нормально, чего ему сделается, - вяло сказал я, жуя. – Достает иногда своими нравами. Это не так сделал, то не так поставил. Все жизни меня учит.

- Ну, эт да, - смачно отхлебнул Вовка чай из большой кружки. – Отец у тебя такой, строгий, серьезный.

- Да какой он строгий и серьезный!? – отмахнулся я. – Мораль любит читать, вот и все. Иногда такой нудный становится, ужас. Трудный он, тяжело с ним работать.

- Ну... - Вовка пожал плечами, силясь поскорей прожевать. – Трудный, не трудный, а все равно отец же. Бизнес семейный, это уже хорошо. Он перестанет делами заниматься, все тебе достанется. Тоже нормально!

- Да чему там доставаться!? – отвел я кружку ото рта. – Можно подумать, он сам все создал, а мне все достанется!? Я тоже в этом с самого начала принимал участие!

- Не, ну эт да! – Вовка поскреб в затылке. – Но он все равно старше, опытнее, он же у вас там голова и руководитель, так сказать!

- Блин! Да с чего ты решил-то, что он главный!? – вытаращился я на Вовку. – Ты ж не знаешь, что внутри происходит. Ты вот в курсе, что из всех поставщиков, с какими мы работали за все время, отец не нашел ни одного!? В курсе!?

Вовка пожал плечами.

- Вот! Не в курсе! – я отставил кружку в сторону и положил начатый бутерброд обратно на тарелку. – Всех производителей и поставщиков я нашел! Всех до единого! Он их даже не искал! Я постоянно ковырялся во всех справочниках и газетах и приносил ему информацию! А он, да, он звонил уже туда и вел переговоры! Я не отрицаю – переговоры тоже надо уметь вести! Но я бы и сам их провел, если бы не возраст! Никто не будет вести переговоры с пацаном двадцатипятилетним! Вот и все! А когда начали пивом заниматься, мне вообще было двадцать два-двадцать три! Ну, ты бы вот стал вести переговоры с таким пацаном, если б тебе было, к примеру, сорок!?

- Ну, нет, не стал бы, - смутился Вовка.

- Вот, я о чем и говорю! – подытожил я и хлебнул чаю.

- Ну, Анатолий Васильич, все равно, производит впечатление делового серьезного мужчины, - добавил Вовка.

- Производит, производит, - задумался я. – Да я не против, что он производит такое впечатление, лишь бы оно соответствовало действительности!

- Ну, ладно, Рамзес, батя у тебя нормальный мужчина, - Вовка покончил с чаем и встал из-за стола. – Я ваших раскладов не знаю просто.

- Да ладно, проедем тему, - отмахнулся я и взял второй бутерброд.

Вскоре мы вышли на улицу и потопали к остановке. Вечер только начинался.

Киоски работали стабильно, подняв летом выручку в полтора раза. Отдел в новом центре торговал около нуля. Ему мешал конкурент – на пересекающийся с нами товар он держал цены низкие, а на прочий – высокие. Занимаясь целыми днями оптовым сбытом, мы не могли так же скрупулезно работать с ценами в отдельной розничной точке. На это у меня совершенно не было времени. Отец такими нюансами не интересовался в принципе. Конкурентную битву в торговом центре мы явно проигрывали. «Ничего, если следующий отдел заработает как надо, то этот прикроем и все», - думал я, листая газеты и журналы. К середине июня я нарыл нужное – крупный одноэтажный магазин в пяти минутах ходьбы от наших киосков.

- Ну что, место неплохое, давай прокатимся, узнаем, - сказал отец.

На следующий день, пока безмерно толстый владелец магазина рассказывал нам о прелестях сдаваемой в аренду торговой площади, я подсчитывал в уме стоимость затрат. «Аренда в десять тысяч, плюс зарплаты продавцам. Все-таки десять не семнадцать, даже при такой же выручке как в центре этот отдел будет приносить прибыль», - прикинул я.

- У меня в подвале есть торговое оборудование в отличном состоянии, - добавил хозяин магазина, видя наши колебания. – Если у вас нет своего, то могу его бесплатно вам предоставить в пользование.

У нас своего не было. Через пару дней раздумий мы согласились. На объявление о продавцах откликнулись две подружки возрастом чуть за двадцать. Глаза одной мне не понравились сразу – глупые холодные и вороватые. Вторую я так и не запомнил. Остаток месяца урывками от основной работы мы работали в магазине и первого июля, в четверг, открыли четвертую розничную точку.

Вечером того же дня, сняв выручку в четыреста рублей, я, сидя перед магазином на ограде палисадника, пребывал в состоянии абсолютного счастья. «Уже четыре розничные точки, растем», - думал я, неспешно затягиваясь и упражняясь в пускании колец сигаретного дыма. Я даже не ощущал накопившейся усталости от совершаемой ежедневно физической работы, которая за последние два месяца почти удвоилась.

Июль прошел в изматывающей работе. Целыми днями мы колесили по городу – с утра везли товар в розницу, после – оптовые заказы по базам. Домой приезжали не раньше восьми часов, обычно в девять. Отец становился к плите, я садился за компьютер и вел учет. Часов в десять-одиннадцать мы ужинали, после чего я возвращался к компьютеру и готовил накладные на следующий день. В час засыпал, в восемь вставал. Время полетело с бешеной скоростью. Дни мелькали один за другим. Отношения с матерью стали хуже, она замкнулась в себе, смотрела на нас враждебно. Стычки и перепалки случались регулярно раз-два в неделю. Я привык и уже не помнил, что когда-то в нашей семье существовала другая жизнь.

К середине июля стало ясно, что отдел в магазине торгует еще хуже, чем отдел в центре. Ежедневные выручки выходили мизерными, меньше тысячи. «Кошмар какой-то», - нервно думал я всякий раз, снимая выручку. Чувствовалось, что продавщицы работают как попало. «Может быть, даже воруют деньги», - появились в голове нехорошие мысли. «Что делать? Как быть? Стоять рядом весь день? А как же остальная работа? Не вариант. Менять продавцов?» Нормальное и естественное решение. Но мое желание что-то срочно предпринять разбилось о флегматичность отца. В тот момент я снова задумался о такой его особенности. Нет, отец не противился спасению отдела. Он лишь соглашался с моими предложениями, но свои не выдвигал, не брал инициативу на себя. Открытие отдела в магазине оказалось тем моментом в нашем деле, когда мои физические и ментальные силы достигли предела, и отчетливо обнажилась деловая пассивность отца. Оказавшись на пределе, я уже не успевал больше подумать, решить, сделать. Мне, как воздух, требовался деловой партнер, предлагающий решения и продвигающий их. Отец таким не был. Он качественно работал, дотошно обсуждал новые инициативы, вносил дельные поправки и улучшения. Отец отлично понимал «как лучше сделать», но совершенно не высказывал инициатив на тему «что лучше сделать» и «куда нам двигаться». И снова в моем сознании его позиции лидера пошатнулись. Восприятие отца, как человека знающего и умеющего все, дало новую трещину как раз в момент, когда моей неумной молодой активности остро потребовался зрелый наставник, видящий далеко вперед перспективу нашего дела, умеющий планировать развитие и ставить цели, а его не оказалось. Вдруг рядом с собой вместо надежной опоры я почувствовал пустоту. «А ведь отец и вправду не лидер. Да, он хороший работник, исполнитель, но совсем не ведущий в нашей связке. Ведь за все время работы он ни разу не предложил никакого толкового дела. Обдумывал и обсуждал только то, что предлагал я, а предлагал всегда я – куда поехать, с кем работать, куда звонить, где что закупить и куда и как продать», - вновь вернулись в мою голову крамольные мысли.

- Па, надо что-то делать с отделом в магазине, - выдал я, едва мы оказались дома и отошли от очередного жаркого трудового дня. Я уплетал на кухне и курицу с макаронами. Отец только вышел из душа и, с удовольствием отдуваясь, сел на стул рядом.

- А что с ним надо делать? – посмотрел он на меня, откинувшись на спинку.

- Да уже полмесяца выручки по пятьсот-восемьсот рублей, куда это годится?

- Ну да, маловато, - шумно выдохнул отец и почесал нос.

- Ну а смысл такой торговли? – уставился я на него.

- Да нет никакого смысла! Какой там смысл, - согласился отец.

- Ну, и что будем делать? – недоуменно смотрел я на него.

- А что надо делать? – произнес отец.

- Ну как что!? – растерялся я, пожав плечами. – Как-то решать этот вопрос. Я не знаю – продавцов менять, цены понизить, решать, в конце концов, будем мы арендовать дальше этот отдел или нет!? Как-то так...

- Придет время – решим вопрос, - закрыл глаза отец, откинулся на спинку стула, застыл расслабившись.

- И когда это время придет? – произнес я. – Как мы его решим? Закроем отдел?

- Если надо, закроем, - сказал отец, не меняя позы и состояния.

Какое-то время я сидел в ступоре и смотрел на отца, осмысливая диалог. «О чем он был? Что мы решили?» Как разговор глухого с неммым. «То ли ему все равно, то ли сейчас такое состояние у него, что не хочет думать о проблемах». Я запутался в неопределенных фразах отца, как в вязкой трясине.

- Ну, ладно, - буркнул я растерянно, доел и вышел из-за стола.

Превозмогая дневную усталость, я сел за компьютер и за час управился с текущими накладными и подготовил новые на завтра, после лег и мгновенно уснул. Звонок в девять утра дернул меня из дремы – Алексей Семенович сообщал, что в одиннадцать будет у нас на складе. Он всегда звонил перед каждым своим визитом. Выспавшись, я чувствовал, как налитое вчерашней усталостью тело гудит, не получив полного отдыха.

В половине одиннадцатого я снял замок, распахнул ворота склада и вошел внутрь. На меня пахнуло прохладой, будто из июльской жары я попал в середину осени. Оглядев плотно заставленный товаром склад, я продрог, поежился и вернулся наружу. Тело тут же обволокло тягучий зной, и я мигом согрелся. Отец стоял в тени склада и курил, мечтательно задрал голову. Я взял накладные из кабины и принялся собирать товар для розницы. Это нудное занятие мне удалось превратить для себя в подобие игры. Зная, где лежит каждая пачка, каждый флакон, я собирал очередную накладную и старался отметить и запомнить сразу несколько позиций из тех, что находились рядом. Так, оптимизацией своих действий я вытравливал из рабочих дней серость, будил в себе азарт, стараясь довести время сбора до минимума. Эта тактика приносила плоды. Накладные позиций в сорок я собирал минут за двадцать. Быстрее уже не получалось. Едва я еще ускорялся, начинал пропускать строки, не доносил товар отцу к месту упаковки и, как следствие, точки его недополучали. Отец недовольно ворчал и отчитывал меня за промахи.

Я отметил ручкой пять позиций, пошел вдоль полок и принялся собирать в охапку товар: десять штук, пять, снова десять, опять десять и еще двадцать. Набрал полные руки, положил все в одно место и вернулся к полкам. Подошел отец, оглядел образовавшуюся моими трудами кучу товара и произнес: «Так, что тут собирать? Это укладывать?»

- Да, - кивнул я. – Это собирай, упаковывай то, что я собрал.

Отец взял пустую коробку и начал размеренно ее наполнять. Я продолжал шустро сновать вдоль стеллажей и выуживать нужный товар с полок.

- Не спеши, нормально собирай, чтоб ничего не пропустить, - произнес отец.

- Стараюсь не пропускать, вроде все отмечаю и собираю, - ответил я, принеся ему очередную охапку товара и услышав знакомое тарыхтение приближающегося «газона».

В проеме показался Алексей Семенович, увидел нас и поднял приветственно руку: «Анатолий Васильевич, Рома, приветствую!» Услышав ответное приветствие, экспедитор кивнул, окинул взглядом стеллажи и поддоны, деловито добавил: «Склад полный! Это – хорошо! Бизнес идет?»

- Идет помаленьку, - произнес отец и пошел наружу, закурил.

- Какие дела в «Оптторге», Алексей Семеныч!? – спросил я, предвкушая ответ.

- Ой! Да какие там дела! – отмахнулся тот раздраженно. – Сидят там, пррраститутки! Нихера не делают! Гонять их всех надо, пороть каждую!

Я засмеялся.

- Ну что, мне подъезжать!? – поправляя кепку на затылке, произнес экспедитор.

- Да, подъезжай! – махнул я.

Скрежеча зубьями передач, «Пепелац» дернулся, сдал задом к складу. Алексей Семенович выскочил из кабины, прыгнул в будку и принялся подавать товар. Закончили. Я начал сверять товар с накладной. Экспедитор, спрыгнув на землю с ловкостью пацана, стал расхаживать по складу, то и дело поправляя грязную тряпку, которой были обмотаны пальцы его левой руки.

- Алексей Семеныч, а сколько ж тебе лет уже? – не сдержал я в себе в который раз возникшее удивление двужильностью этого человека.

Тот остановился, почесал под кепкой затылок, считая в уме, прищурил глаз, выдал:

- Да как и бате твоему! Пятьдесят два в этом году будет, да, Васильич!?

Отец, отдыхая сидя на упаковках с товаром, кивнул.

- Ого! – удивился я. – Да на тебя вся контора должна молиться, Алексей Семеныч! Ты один половину их товара развозишь!

- Да ну их к чертям собачьим! – сорвав кепку с головы, отмахнулся ею экспедитор и вернул на место. – Сидят там... пррраститутки!

Я тихо засмеялся, расписался в накладной и вернул ее экспедитору.

- Все, Алексей Семеныч. Все сходится, без недозова. На.

- А склад-то уже маловат! – произнес тот, взяв бумагу и оглядевшись с прищуром. – Расширяться вам пора, склад побольше искать, Васильич!

Закряхтев, отец встал, заходил по складу, сказал: «Да пока и этого достаточно».

- Алексей Семеныч, не переживай! – улыбнулся я. – Все у нас под контролем, склад новый мы уже присмотрели.

- Эт который же!? – встрепенулся тот.

- А вон! – махнул я на улицу. – Пойдем, покажу.

Все трое вышли за ворота.

- Этот! – указал я на склад напротив, куда мы хотели попасть изначально.

- Во! Вот это я понимаю! И побольше, и повыше! – развел руками экспедитор, замер на секунду и тут же засобирился. – Ладно, господа, поехал я дальше! Пока!

Едва «газон» пополз к проходной, мы с отцом закурили.

- Надо будет снова с хозяевами поговорить об аренде этого склада, - сказал я.

- Зачем? – удивился отец. – Мы ж уже с ними разговаривали раз, нам отказали.

- Как – зачем!? – упёрся я. – Затем, что если нам нужен будет склад больше, то надо будет снова разговаривать об этом складе. Или ты собираешься тут сидеть!?

- Вот когда понадобится нам новый склад, тогда и будем думать, а сейчас нечего себе голову морочить! – изрек отец и глубоко затянулся. – Пошли товар собирать лучше.

- Пошли собирать, - буркнул я недовольно и щелчком отправил окурок в сторону предмета спора. Загрузив розницу, мы взялись за оптовый товар.

- Давай, я носить буду, а ты укладывай в кузове, - произнес я.

- Хорошо, давай, - согласился отец, кивнул и остался подле «газели».

Временами меня мучила совесть за то, что отец таскает коробки наравне со мной. Я понимал, что мы не просто отец и сын, а и равноправные партнеры в бизнесе и нормально, если работа ложится на нас поровну. Но сыновние чувства все равно брали верх. Укладка коробок в кузове – работа более легкая, чем перенос их со всего склада к машине, потому я старался подгадать так, чтобы отец как можно скорее оказался именно в кузове.

- Служил со мной один товарищ... - начал он очередной рассказ оттуда.

- И чего? – заинтересовался я. Молча работать на складе было совершенно скучно. Отец любил рассказывать истории из своей военной жизни. Я любил слушать. Правда со временем он начинал повторяться и рассказывать одни и те же истории по нескольку раз.

- Так вот, один раз мы вместе также укладывали какой-то груз в машину, - донесся голос отца. – И сказал он, что со мной бизнес стал бы делать точно.

- Эт почему это? – произнес я, принеся две коробки и поставив их в кузов.

- Говорит, вижу, как Анатолий коробки укладывает, аккуратно, одна к одной, - сказал отец с довольным выражением лица, сидя на корточках. – Значит, говорит, и ко всей работе он так относится, основательно и аккуратно.

- Ааа... - произнес я, пошел обратно. – Ну да, ты такой, любишь порядок во всем.

- А разве это плохо? – донеслось со спины.

- Хорошо, я ж не сказал, что плохо, - добавил я, снова взял пару коробок и понес к машине. – Просто ты такой, хорошие качества для бизнеса.

- Очень хорошие, - самодовольно резюмировал отец.

- Ну да, - пожал я плечами, ставя в кузов коробки. – А где он теперь тот товарищ? Почему не начали дело вместе?

- Да он к отцу своему пошел в уже действующий бизнес, - смутился вдруг отец.

- Ааа... - протянул я. – Жаль, могли бы замутить вместе что-нибудь серьезное, а то вот тут толчемся, таскаем эти дурацкие коробки.

Отец ничего не ответил, и дальше работали молча.

Через час мы выехали, завезли товар в киоски и спустя еще сорок минут, словно в улей, вкатились в «Пересвет». Люди и машины сновали по территории базы беспрестанно. Одни разгружались, другие загружались. Шум, гам, суета, грохот двигателей, жарница.

Я выскочил из машины и пошел с накладными в офис. Через пять минут вернулся, наша «газель» стояла в стороне от склада. Отец сидел за рулем и отирал лицо от пота.

- Нет мест? – произнес я, глянув на рампу, плотно занятую машинами.

- Нет, - сказал отец. – Я очередь занял, мы вторые.

Я пошел на склад. Поднялся на рампу, лавируя между поддонами с пивом, прошел до конца к распахнутой двери. Кладовщица Галя – симпатичная, полноватая женщина лет сорока – устало сидела на лавке и курила.

- Привет, Ром! – сказала она. – Привез чего?
- Привет, Галь, да, привет, вот, - ответил я и протянул накладную.
- Туда, - взмахнула та рукой. – Наверх отнеси, на стол положи.
- Хорошо, - сказал я и направился по лестнице на второй этаж.

Кладовщица, пульнув бычок в урну, медленно встала и пошла следом. Два пролета бетонной лестницы и я в сплошь уставленном стеллажами складе. Положив накладные на рабочий стол кладовщиц, я развернулся.

- Привет, Ром! – раздался со спины голос второй кладовщицы.
- Привет, Кать! – не оглядываясь крикнул я и побежал вниз.

Единственным спасением от жары был шиферный навес над рампой. Я предложил отцу пообедать, и через несколько минут мы спрятались в тени навеса с бутербродами и парой бутылок холодного лимонада. Постелив на стопку поддонов чистый кусок картона, я соорудил подобие стола. В предвкушении желудок заурчал сильнее. Я затолкал в себя бутерброд и запил его. Началась легкая изжога. Поев, я закурил и уселся на «стол». Отец устроился с сигаретой на пустующей лавке, закинул ногу на ногу и затыкнулся. В воздухе висело марево. Шорты, футболка – я был мокрым от пота даже в этом минимуме одежды. От жары страдали все. Отирая пот со лба, экспедиторы выгружали товар. Грузчик пыхтел, таская товар на второй этаж и тут же обратно принося заказы покупателей.

Через полчаса освободилось место у рампы. Едва отец подогнал к ней «газель», я нырнул в кузов. Жарища!!! Под тентом была настоящая баня! За десять минут я выставил на рампу коробки и вылез наружу совсем одуревшим от зноя. Теперь мы были третьими в очереди. Двигалась она медленно. Устав маяться в ожидании, я пробежал двадцать метров раскаленного асфальта и оказался в спасительной прохладе торгового зала. Мысль о том, что надо нам найти одного-двух хороших производителей, не давала мне покоя. Но как их найти, если все известные производители уже работали с более крупными организациями? Новые интересные товары на рынке не появлялись. Я сканировал витрины и склады – все зря, решение не приходило. И в этот раз, внимательно пройдя вдоль витрин, я вернулся на пекло улицы и разочарованно поплелся обратно к складу. Очередь сократилась на одного. Я прошел мимо отца, сидящего на лавке с очередной сигаретой, и пошел на второй этаж к кладовщицам. В тиши склада зной будто замер – новых покупателей не было, грузчик все так же лениво приносил коробки снизу. Катя обедала в подсобке, Галя принимала товар.

- Че, Ром, скучно там? К нам пришел? – раздался со спины голос Кати.

Я обернулся:

- Да, Кать, там жарища жуткая, духота. У вас попрохладнее вроде.
- Эт только кажется, - вышла из подсобки та, крупная тетка моего роста и раза в два меня шире, направилась к столу с бумагами. – Это что ли твоя накладная? Принять товар?

- Кать, да грузчик все равно один, а старший больше не дает, все заняты на других складах, - отмахнулся я обреченно. – Так что поднимать товар все равно некому.

- Ну! – смахнула пот со лба кладовщица. – Тогда ничем помочь не могу! Стой, жди!

Иногда поставщики сами заносили свой товар в склад, когда его было мало или из-за спешки. Мы же привезли много, к тому же я и так натаскался за день достаточно, чтоб еще и работу грузчиков выполнять. Устал. Нет уж. Спасибо. И я продолжил слоняться по складу, меря его шагами и пялясь на стеллажи и поддоны, заваленные товаром. И тут все было по-прежнему, ничего нового. Мимо снова прошла Катя, шаркая шлепанцами по затертому до дыр линолеуму.

- Скучаешь? – произнесла она.

- Кать, чего бы вам такого еще привезти, а? – вдруг выдал я.

- В смысле, чего бы привезти!? – усталилась та на меня удивленно, остановилась.

- Ну, товар какой вам привезти, чтоб и стоил подороже, и продавался хорошо!? – уточнил я и обвел руками склад. – Что вот из всего этого хорошо продается? Не тяжелое чтоб и денежное. Вот сейчас что хорошо продается?

- Ну, не знаю, - пожала плечами Катя, сделала пару шагов, замерла, задумалась.

- Дихлофосы привези, Рома!!! – выкрикнула из-за стеллажей Галя.

- Дихлофосы!??? – удивился я. – А почему дихлофосы?

- Кстати, да! – развернулась Катя. – Вези дихлофосы! Влёт сейчас уходят! Вон, вчера поставщик привез десять коробок арбалетовского дихлофоса, за день все забрали!

- Ничего себе! – прикинул я стоимость коробки – вышла тысяча рублей. В среднем с «Пересвета» в неделю мы получали под двадцать тысяч. А это – десять, и за день!

- Это что такой большой спрос на дихлофосы!? – озадаченно произнес я.

- Так сезон же, Ром! – донесся голос Гали.

- Сезон же, - сказала Катя, подойдя вплотную.

- А почему сезон? Когда он у дихлофосов? – продолжил я задавать вопросы.

- Так жара же, мухи кругом, - Катя замотала в воздухе руками, изображая борьбу с мухами. – Все лето сезон, да, Галь!? С мая и до сентября.

- Да, все лето!! – крикнула из глубины склада Галя. – С апреля даже!

- И весь сезон такие продажи!? – все удивлялся я.

- Да не, - отмахнулась Катя. – Весной так себе продажи, по чуть-чуть, а потом уже – больше и больше и вот сейчас очень хорошие продажи.

Я задумался.

- Так что – вези, - кивнула Катя.

- Так, все, закончила я с этим! – вышла из-за стеллажей Галя, смахнула пот со лба и бросила накладную на стол. – Сейчас тебя будем принимать, перекурим только!

- Ой, да приму я! – оживилась Катя, протянула руку. – Где твоя накладная?

- Тут она, Кать, на! – протянула Галя бумагу напарнице. – Все, пошла я курить.

- Слушай, Кать, так сколько дихлофосов везти и каких!? – загорелся я мыслью.

- Арбалетовские лучше всего продаются, их вези! – сказала та. – А вообще, любые вези, все уйдут, их сейчас прям метут покупатели!

- И сколько же везти?

- Ну, коробок по двадцать пару видов можешь смело везти, а можешь и больше, по тридцать, - уверенно махнула рукой кладовщица. – Все равно продается.

Со стороны лестницы донеслись мерные шаги – грузчик нес наши первые коробки. Катя ушла принимать товар. Я же будто выпал из реальности – идея поставки дихлофосов в «Пересвет» заняла мои мысли. Дело выглядело срочным. Я спустился на рампу, оставил сдачу товара на отца и снова пошел в торговый зал. Там, на полке одной из витрин стояли два баллончика. Других дихлофосов не было. Сердце учащенно забилось, учуяв жирную и пустующую товарную нишу. Записав цены, я вернулся к отцу. Едва мы выехали из базы, я пересказал отцу разговор с кладовщицами.

- Ооо! – протянул задумчиво отец. – Это – интересно!

- Вопрос, где взять столько дихлофосов!? – возбужденно замахал руками я. – Даже двадцать коробок это двадцать тыщ! Бартер? Раз сможем взять, а потом не дадут, залезем

ведь в долг! Завтра позвоню с утра в «Арбалет» и в «Сашу», больше дихлофосы никто не возит! Только у них можно взять!

- Позвони! – оживился отец и тут же закурил.

В половине шестого прохладные струи домашнего душа сбили с тела дневной жар, вернув, наконец, сознанию ясность мысли. Пора было идти за выручкой. Мы разделились – отец направился в сторону рынка, я – в торговый центр. «Да уж, третий месяц работает, а все болтается на уровне рентабельности», - подумал я, сняв с кассы отдела чуть менее двух тысяч. Про отдел в магазине не хотелось и думать. Неприятная мысль о том, что его придется закрыть, все настойчивее вертелась в голове. Угнетало еще то, что оба отдела мы пустили на самотек. «Нанять работника? Бессмысленно. Вся прибыль уйдет на оплату его же работы. Да и то, если человек попадется толковый. Что вряд ли. Самим уделять больше внимания рознице, наняв водителя-экспедитора для развоза товара, освободив так себя от ежедневной рутины?» Нанять и посадить на нашу «газель», означало угробить ее за год. Я видел такие машины – громахающий кусок битого железа. «Нанять водителя-экспедитора с машиной? Дорого. Его зарплата сожрет половину прибыли. Это еще полбебды». Важным виделось другое – я понимал, что прекратив появляться на складах баз, я потеряю «пульс» торговли. Я вертел ситуацию в поисках решения, позволившего бы сохранить и развить два отдела, и не находил его. Расчет на розницу как на локомотив бизнеса не сработал. Оставался избитый вариант – резкое увеличение оборота в опте. Нам жизненно был нужен сильный поставщик-производитель. Мы раскорячились между двумя ступенями бизнеса, и это злило. Я шел домой и злился. Двадцать минут я накручивал себя мыслями о нашей системной проблеме и близящихся непростых решениях. Все, вроде бы, так хорошо шло, развивалось, и вот, надвигался момент отступления, регресса.

Я вернулся домой в полдевятого. Закинув ногу на ногу, отец уже сидел за столом на кухне, ужинал, размеренно жуя котлету с недовольным лицом.

- Ну, какие там дела!? – нетерпеливо спросил я с порога. – Сколько наторговали?

Отец дожевал, зыркнул на меня внимательно, пару раз нервно дрыгнул ногой и озвучил суммы. Киоски выдали выше нормы, даже отдел в магазине наторговал за тысячу. Услышав такое, я ощутил подъем настроения и принялся наливать чай, глянул на отца. Тот все так же мерно жевал и пристально смотрел на меня.

- Чего ты так смотришь!? – удивился я.

- Ничего, - буркнул отец.

Я сел напротив с кружкой чая, прихватив кусок хлеба и котлету. Принявшись есть, назвал сумму выручки в центре. В коридоре слышались шаги, вошла мать, глянула на нас испепеляюще, налила себе кофе и ушла. Отец покончил с едой, принялся за чай.

- Надежда Петровна тебе опять написала, - произнес он сдержанно.

- О!? А что ж я там не доложил!? – удивился я, понимая, что мог и упустить что-то.

- У Надежды Петровны – три позиции и у Полины – одну, - сказал отец. – Записки у тебя на столе лежат около компьютера.

Я вскочил, пошел в дальнюю комнату и вернулся с записками обратно.

- Мда, жаль! Прозевал где-то, вроде все положил, но, проглядел, значит, - почесал я в затылке, неловко осознавая свою оплошность. – Надо будет довести завтра.

- Это – все твоя спешка! – произнес отец. – Я тебе сколько раз говорил – не спеши, собирай внимательно!? Все без толку!

- Да я и так нормально всегда собираю! – уловив смену тона разговора, опешил я и остался стоять посреди кухни. – Я по-другому не умею!

- А я тебе говорю, собирать надо нормально! – надавил голосом отец. – А не так, чтоб без конца недовозы были!

- Я собираю, как могу! – завелся я. – Не нравится, давай, поменяемся местами, ты будешь собирать, а я укладывать!? Я тебе уже это говорил!

- Это проще всего свалить работу на другого!

- Я не сваливаю! Я еще раз говорю, собираю, как могу! Я не могу, как ты, собирать по часу одну накладную, мы так до вечера со склада не уедем! Хочешь, собирай сам! А я буду укладывать и в машину носить!

- Нет, ты будешь собирать как надо! – зло уставился на меня отец и ткнул себя пальцем в грудь. – Это я тебе говорю! Понял!?

Я опешил. Стоял и растерянно смотрел на отца, понимая, что вижу что-то новое. Такого явного проявления менторских замашек с его стороны я не припоминал. Стычки были, но не такие. Упертый на характер, раньше отец довольно легко шел на компромисс, даже часто принимал другую сторону. Мы никогда не выясняли с ним, кто в нашем деле главный. Да и как выяснять? И зачем? Это же глупо. Начали вместе, с нуля. Все поровну. Но в тот момент я стоял перед отцом на кухне точно, как царевич Алексей перед своим родителем на известной картине, и мой растущий гнев мешался с растерянностью. Что-то едва уловимое мелькнуло в словах отца. «Дзинь», будто рыбацкий колокольчик, раздался в моем сознании сигнал. «Дзинь». И тишина.

И тут же внутри меня гнев накатил, я едва не взорвался. Но усилием воли затолкал уязвленную гордость в дальний уголок души и ответил лишь: «Ладно, давай, не будем».

Я отмахнулся и вышел из кухни. Настроение было испорчено. В коридоре миновал удивленную мать, учуявшую запах скандала и уже спешившую на кухню с интересом.

- Что случилось? – бросила она мне вдогонку.

Я не ответил, сел на балконный диванчик, закурил и уставился на улицу.

- Вот так ты все делаешь! – раздался позади голос отца.

- Как – так – я все делаю? – удивленно обернувшись и вновь закипая, произнес я.

- Работаете тят-ляп, спустя рукава, а потом нам приходится за тобой исправлять! – зашел на балкон отец, вытянул из пачки сигарету. – Постоянно товар не докладываешь!

- Слушай! Я не пойму! – меня понесло. – Тебе чего не нравится!? Не нравится, как я делаю!? Я тебе уже говорил – собирай сам! Не можешь или не хочешь – твои проблемы! Значит, не мешай мне собирать, буду собирать, как умею! Тебе чего не нравится-то!? Чего ты мне указываешь вечно!? За собой следи!

Отец на долю секунды опешил и тут же налился гневом.

- Я твой отец!! – рявкнул он. – Ты!! Сопляк!! И если я тебе говорю как надо делать, значит так и надо делать!

Я растерялся, точно не был уверен, но мне подумалось, что отец впервые за время нашей деятельности опустил до прямого оскорбления. Сердце гулко заходило в груди.

- Знаешь, что... если тебя что-то не устраивает в совместной работе, мы можем разделиться! – произнес я, насколько смог, спокойно. – Распродадим товар, продадим «газель», поделим деньги и разойдемся! Каждый в свою сторону! Без проблем!

- Ничего мы делить не будем! «Газель» вообще куплена на мои деньги с книжки, так что она моя! – безапелляционно заявил отец, да так быстро, будто принадлежность машины была определена им про себя уже давно.

- Ну, - запнулся я. – Да почему она твоя? Хотя...

- Потому, что я сюда вносил свои личные деньги с книжки! – продолжил давить меня отец. – Сначала восемьдесят тысяч снял, принес в том году и при покупке снимал и докладывал свои тридцать, забыл!?

- Почему забыл? – произнес я уже без энтузиазма, понимая, что против правды не попрешь, да и не имея такого желания, а имея убеждение, что любые прочные отношения могут быть основаны лишь на честности и порядочности. – Все я помню.

Мне не хотелось более препираться. И не потому, что отец меня прижал. Это для меня не имело значения. Противной казалась сама тема спора. Мелкая никчемная дележка между отцом и сыном – это отвратительно. Я обмяк и отступил.

- Ну, а раз помнишь, то и закрой рот и сиди, помалкивай! – добил отец.

- Хорошо, давай, оставим эту тему, - буркнул я, докурив, встал и вышел с балкона, столкнувшись в комнате с матерью, снова кружившей рядом подле скандала.

Внутри стало гадко. Нестерпимо захотелось уйти из дома, побыть наедине или выговориться. Я позвонил Вовке. Тот сказал, что голова у него болит и ноги отваливаются от усталости и потому в клуб со мной он не пойдет, но в выходные пойдет точно.

- Блин, жаль, - выдохнул я. – Ну, ладно, давай, в выходные. Отдыхай уж, лентяй!

Я несколько секунд смотрел в окно в зале и, пока отец не вернулся с балкона, взял немного денег, обулся и вышел из квартиры.

Я прослонялся по центру города с час, выпил два алкогольных коктейля и пошел в «Чистое небо». Там уже во всю грохотало. Я простоял два часа у барной стойки, поглощая подряд двойные «отвертки». Клубок нехороших мыслей в голове никак не расплетался. Я раздраженно утопил его в алкоголе вместе с начавшейся в желудке резью. К часу ночи я напился. Желудок мутило. Я проблевался снаружи заведения за самым дальним темным углом и кривой походкой пошел к гостинице, где ввалился в машину к Эдику, и тот отвез меня домой. Заснул я не сразу, меня крутило на кровати, я держался за ее края, чтоб не свалиться на пол, два раза блевал в туалете, после чего уснул мгновенно, провалившись в уже хорошо знакомую черноту.